

КОНЕЧНОСТЬ И БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Ирландец Мартин Макдонах с его семью пьесами становится всё более необходимым в российском театре. Первооткрыватель Макдонаха в России, руководитель Пермского театра «У моста» Сергей Федотов, который уже поставил все пьесы драматурга, этой осенью провёл в своём театре международный фестиваль Макдонаха с участием спектаклей из Великобритании, Азербайджана, Боснии и Герцеговины, Австрии, Чехии, Германии, Польши, а также из Ижевска, Челябинска, Санкт-Петербурга и Москвы.

А параллельно в Москве вышел спектакль, который украсил бы и афишу этого фестиваля, и афишу любого другого театра. Премьерой последней пьесы Макдонаха «Однорукий из Спокана» в постановке Константина Райкина открылась и новая театральная сцена Учебного театра Высшей школы сценических искусств.

Пять лет назад в «Сатириконе» с разницей в неделю вышли спектакли линэнской дилогии – «Королева красоты» и «Сиротливый Запад». Их персонажи явно были ближайшими соседями по убогому захолустному городку, по донельзя суженному тупику бытия

– этакой «баньки с тараканами» (образ ада у Достоевского). Из-за трагической кончины актрисы Ангелины Варгановой дилогию сняли с репертуара – в этой интимной, предельно откровенной и бесстрашной работе замена была бы невозможна. Партнёр Варгановой – Денис Суханов, феерически сыгравший в «Королеве красоты» восьмидесятилетнюю старуху, – теперь продолжает разрабатывать эту богатейшую драматургическую «жилу» в роли однорукого Кармайкла. Его герой ищет по всему миру свою конечность, которая «принадлежит ему по праву» и которой он никогда не сможет воспользоваться, и готов мстить каждому, кто вздумает поглумиться над его трагедией или нажиться на ней.

По чеховскому закону, если в первом акте на стене висит ружьё, в последнем оно должно выстрелить. В «Одноруком...» выстрел по скулящей в шкафу жертве раздаётся сразу же, а единственная рука главного героя не выпускает пистолет весь спектакль. Макдонах не подманивает зрителя постепенным развитием интриги, а хватает за шкирку и сразу кидает в какой-то смерч, где перемешались ужас, хохот, жалость. У Чехова (который вспоминается на этом спектакле часто, хотя, казалось бы, где Чехов и где Макдонах) люди пьют чай, а в это время рушится их жизнь. У Макдонаха люди висят на прицеле у спятившего мазохиста и... прозревают друг в друге «душу живу». Ничего не происхо-

THE FINITENESS AND INFINITY

ся тому, как глупо люди проматывают отпущенное им время – хоть сорок минут (бонус от маньяка), хоть всю жизнь. Или разгадывают казус ночного портье (Георгий Лежава), который готов поднять на воздух весь свой маленький мирок – гостиницу вместе с её чокнутыми постояльцами и самим собой.

Обитатели и гости захолустного Спокана бегут от самих себя – так яростно и отчаянно, что готовы заплатить всей жизнью: разноцветная парочка жуликов-торговцев – от своей беспросветно однообразной жизни, обречённый служить в заезжем дворе портье – от своего одиночества, однурукий – от извращённой опеки матери. Коллизия мама – сын доведена здесь до какого-то трагически абсурдного абсолюта: назло маме отрублю руку, а потом, боясь признаться в содеянном, потрачу всю жизнь на «мечь» несуществующим садистам. Герой Дениса Суханова давно освоился в роли страдальца-терминатора, отточил оттенки жуткого тихого голоса убийцы, научился орудовать одной рукой – эта роль явно нравится ему больше былой роли закомплексованного подростка под пятой у глупой мамы-расистки. Но случайный звонок матери и случайная догадка портье выводят его на чистую воду, возвращают к себе прежнему, семнадцатилетнему подростку, отрубившему руку, лишь бы что-нибудь изменить в своей жизни.

Отпущены на свободу жалкие обидчики, пытавшиеся заработать на его горе. Ушёл портье, неожиданно ставший почти другом. Идиотизм прошлых лет становится слишком очевидным, роль справедливого страдальца-мачо исчерпана до дна. Комната полна паров бензина – и так просто оборвать эту комедию эффектным (он давно научился) чирканьем зажигалки. Но... именно в этот момент заканчивается бензин в зажигалке – и Кармайкл понимает, что обречён жить дальше. И принимает это. Ещё немного – и мы узнаем, зачем живём, зачем страдаем. Если бы знать, если бы знать...

дит – и всё меняется до неузнаваемости. Макдонах выстроил идеальную (даже слишком идеальную) конструкцию взаимной вины, всеобщего помешательства, личных комплексов и спонтанного необъяснимого сострадания: все друг перед другом виноваты и всех жалко. В этом безумном, безумном мире, зависшем над пропастью, устанавливается довольно устойчивое равновесие – оно-то и есть самое изумительное.

Режиссёр увидел в «Однуруком...» мотив сна – тяжёлого, мучительного, с кошмарами и слезами бессилия, от которого так хочется, но не получается проснуться, зато получается прозреть, разгадать другого и примириться с собой. Близость зоопарка, откуда доносятся трубные звуки слонов и вой гиен, рукопожатия отрубленных рук, которыми, кстати, удобно драться, слепящие огни поезда из шкафа (наверное, так же отпрянули первые зрители братьев Люмьер) – всё это создаёт ауру хоррора, наваждения.

Но драматург оставил своим постановщикам множество самых разных кнопок, и режиссёр с азартом их переключает, не пропуская ни одну, устраивая четверым актёрам многожанровый слалом, который они с честью проходят. И вот уже зрители хохочут над чередой актёрских гэггов, когда прикованные к батарее горе-торговцы наркотиками и руками (Дарья Урсуляк и Григорий Сиятвинда) пытаются сбить пламя дальней свечи. Или сокращают-

IRISH MARTIN McDONAGH AND HIS SEVEN PLAYS ARE GAINING MOMENTUM IN THE RUSSIAN THEATRE. MANAGING DIRECTOR OF PERM AT THE BRIDGE THEATRE SERGEY FEDOTOV WAS THE ONE, WHO DISCOVERED AND INTRODUCED MR. McDONAGH IN THE RUSSIAN THEATRE. HE HAS ALREADY STAGED ALL THE PLAYS OF THIS PLAYWRIGHT, AND HOSTED McDONAGH INTERNATIONAL THEATRE FESTIVAL THIS AUTUMN, FEATURING PERFORMANCES OF COMPANIES FROM THE UK, AZERBAIJAN, BOSNIA AND HERZEGOVINA, AUSTRIA, CZECH REPUBLIC, GERMANY, AND POLAND AS WELL AS FROM IZHEVSK, CHELYABINSK, ST. PETERSBURG AND MOSCOW.

Because of the tragic death of actress Angelina Varganova, the theatre stopped performing *The Diology* – a replacement would not have been possible because of the intimate, extremely frank and fearless nature of her work. Varganova’s partner – Denis Sukhanov, who created a charming image of an eighty-year-old woman in *The Beauty Queen of Leenane*, continues digging this rich “gold mine,” starring as one-handed Carmichael. His character is searching all over the world for his missing extremity, which “belongs to him by right,” and which he would never be able to use again. He is ready to take revenge on anybody, who would dare to sneer at his tragedy or cash in on it.

According to Chekhov, if there is a gun hanging on the wall in the first act, it must shoot in the last one. But in *Behanding* we immediately hear the sound of a shot fired at the victim whining in the closet, and the only protagonist’s hand would not release the gun throughout the whole performance. McDonagh does not beacon the audience gradually developing the play’s intrigue, but grabs them by the collars and throws in the midst of a whirlwind where horror, laughter and pity have intermingled. In Chekhov’s plays (and Chekhov often comes to mind during the performance, though, it would seem that Chekhov and McDonagh are a world apart) people peacefully drink tea while their lives are falling apart. In McDonagh’s work, the characters are being held at gunpoint by some mad masochist... but it is in these circumstances

that they begin to recognize a “living soul” in each other. Nothing really happens and, yet, everything changes dramatically. McDonagh has created a perfect (too perfect) model of mutual guilt, universal craze, personal insecurities and unexplained spontaneous compassion: everybody feels guilty and they all pity each other. In this crazy, crazy world, hovering over a precipice, a fairly stable equilibrium is achieved – and this is the most amazing thing.

The director saw in the *Behanding* the motif of the dream – heavy, terrible, with nightmares and tears of impotence, the dream which one wishes to end, but cannot wake up and, instead, looks at the situation from a different angle, unveils the mystery of the other individual and reconciles with himself. Proximity of the Zoo, from which the sounds of trumpeting elephants and howling hyenas are coming, shaking of chopped off hands, which happen to be rather useful for fighting, blinding lights of the train, shining from the closet (probably, the same impression brothers Lumiere made on their first audience) – all these elements create the atmosphere of horror and delusion.

But the playwright has left so many buttons for the directors to switch! And they passionately do just that, not missing even one button, creating for these four actors a multi-genre slalom, which they triumphantly finish. And now the audience laughing over a succession of acting gags when chained to a heater unlucky drug and hand dealers (Daria Ursulyak and Gregory Siyatvinda) try to extinguish the flames of a candle burning at a distance. Or lament how unwisely people use allotted time, regardless of whether it is just forty minutes (a bonus given by the maniac) or their entire life. Or try to unravel the reason for which the night porter (George Lezhava) is willing to blow up his little world – the hotel with its crazy lodgers and himself.

Inhabitants and visitors of the rural Spokane flee from themselves so furiously and desperately, that they do not mind paying for the escape with their lives: a mixed-race couple of con artists run from their

bleak, monotonous life; the porter doomed to serve at the inn – from his loneliness, one-handed maniac – from the warped custody of his mother. Conflict of mother – son has been brought to the absolute tragically absurd: he butchered off his hand to spite his mother, and then being afraid to admit to the crime, spend a lifetime on “revenge” against nonexistent sadists. The Character played by Denis Sukhanov has been mastering the role of martyr-terminator for years, perfecting the tone of the blood-chilling, quiet voice of a killer. He has learned to wield with one hand – and clearly he likes this role much better than the role of an insecure teenager ruled by his stupid racist mother. But by chance, his mother’s call and a random guess of the porter blow the lid off and he again feels as a seventeen-year-old teen, who has cut off his hand just to change something in his life.

Pathetic offenders, who tried to make money on his misfortune, are released, the porter, who suddenly and unexpectedly turned into almost a friend, leaves. The ridiculousness of the past years has become too obvious and the role of a fair macho-sufferer is completely exhausted. The room is full of gasoline vapour, and it is so easy to end this comedy with a spectacular (he had been rehearsing it for a long time) pushing of the lighter’s grinders. But... right at that moment the lighter runs out of gasoline, and Carmichael realizes that he is doomed to live. And he accepts this reality. Wait a little longer to find out what we live for, and why we suffer. If we could know that, if we could only know...

